I

Пожалуй, я все же поспешил, когда сказал, что все началось в день жеребьевки в Академии святой Стефании. На самом деле началось все только уже на следующее утро, когда я подстригал кусты в саду у маяка, служившего резиденцией моей новой учительницы.

– Интересно, однако, начинается мое ученичество, – недовольно бурчал я себе под нос, орудуя огромными садовыми ножницами. – Не думал, что уход за садом тоже входит в мои обязанности. – Щелк, сухая веточка отлетела в сторону. – А ведь мне и разгрузку угля обещали, если подумать. – Щелк, еще одна. – Поздравляю, Рихард, с новым интересным жизненным опытом! – Щелк, щелк, щелк.

Тогда-то и начали появляться первые гости.

Первый.

Со стороны дорожки, поднимающейся от лежащего внизу, у маленькой бухты городка, послышались скрип ступиц и шуршание колес по старому асфальту. Я опустил ножницы, утер тыльной стороной запястья пот со лба и, повернувшись на звук, увидел сосредоточенно карабкающегося в гору мальчишку лет пятнадцати на стареньком пыльном велосипеде. На голове у него сидела залихватски сдвинутая набок форменная фуражка, а через плечо была перекинута кожаная сумка, из которой торчали свернутые трубочкой разнокалиберные газеты. Одни совсем тонкие, другие – способные поспорить в толщине с иным поленом для камина.

«Почтальон», – сообразил я.

Завершив тяжелый подъем, парнишка облегченно откинулся в седле и, широко улыбаясь, покатил дальше, быстро набирая скорость. Проносясь мимо наших ворот, он дважды тренькнул звоночком на руле, выудил из сумки толстенную газету, не самую-самую толстую, но внушительную, и отточенным движением руки швырнул ее в мою сторону со словами:

– Свежая пресса!

Перетянутая для сохранения формы бечевкой газета, кувыркаясь, пролетела точно между прутьев ограды и ударила меня по лишь в последний момент подставленной ладони в матерчатой рабочей рукавице.

– Эй! – возмущенно выкрикнул я ему вслед. – А если догоню?

Но мальчишка уже подкатил к тому участку дороги, где та вновь резко уходила вниз, и со смехом исчез из виду. Только пыль из-под колес встала столбом да жалобно взвизгнула ступица заднего колеса. Ох, не долго ей осталось мучиться.

– Мелкий засранец, – беззлобно проворчал я, подбирая газету с садовой дорожки, отряхивая и убирая ее в нагрудный карман на выданном мне вместе с ножницами и рукавицами брезентовом фартуке.

Вторые.

Неспешный перестук копыт заставил меня обернуться и вновь посмотреть в ту сторону, откуда-то только-что появился почтальон. На этот раз то была небольшая запряженная парой мулов повозка. Чуть раскачивающаяся из стороны в сторону и при наезде на малейшую неровность издающая подозрительное стеклянное дребезжание. На передке повозки с вожжами в руках

сидел дородный мужчина в белоснежном переднике и с белым же колпаком на голове. Рядом с ним беззаботно болтала ногами в синих туфельках совсем еще девочка лет двенадцати-тринадцати в простом светлом платье с оборками и огромным цветком подсолнуха в волосах почти такого цвета, как и он сам.

– Интересно утро начинается, – невольно передразнивая свою собственную недавнюю фразу, заметил я, пряча ножницы за спину и подходя поближе к калитке.

– Доброго утречка! – с широкой улыбкой помахала мне рукою девочка, когда повозка замерла напротив, напоследок как следует звякнув неведомым содержимым.

– Доброго, – не удержался от ответной улыбки и я, открывая калитку и выходя на подъездную асфальтовую дорожку.

Мужчина в колпаке молча перегнулся назад через борт своей телеги и, достав оттуда открытый деревянный ящик, протянул его мне. Я выронил ножницы и поспешил принять его, тут же согнувшись под внезапной тяжестью и охнув от неожиданности:

– Ух! Да что тут у вас?

В ящике, куда я сунул свой нос, выпрямившись и перехватив его понадежнее, аккуратными рядами выстроились переложенные соломой разномастные бутылки, бутылочки и даже один пузатый кувшин.

– Молоко, кефир, ряженка и сметана, – с важным видом сообщила мне девочка, болтая ногою в такт каждому своему слову. – Как обычно и заказывает мисс Джойс по утрам в понедельник.

– И головка сыра, – гулким басом добавил великан, опуская в ящик сверху еще и здоровый тщательно обернутый в толстую бумагу округлый предмет.

– Ёк! – жалобно пискнул я, сгибаясь пуще прежнего. – Так вы молочники!

– Ага, – жизнерадостно кивнула девочка. – Я – Мари, – она ткнула себя ладошкой в грудь. – А это – Понтус, – Мари попробовала похлопать мужчину рядом по плечу, но смогла дотянуться ему лишь чуть выше локтя.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся я, положив подбородок на венчающий мою ношу кусок сыра. – Меня зовут Рихард.

Мари часто-часто закивала, и подсолнух у нее в волосах немного сполз вниз.

– Вы – новый ученик мисс Джойс, да? – догадалась она.

– Не знаю. – Эта девчонка почему-то настраивала меня на несерьезный лад, и я, хитро прищурившись, неуверенно пожал плечами. – А вдруг я новый садовник?

Мари засмеялась и отрицательно замотала головой, рассыпав золотистые, словно пшеница, волосы по плечам:

– Нет, вы точно ученик!

– Откуда ты знаешь? – продолжал настаивать на своем я. – Ты видела много учеников мисс Джойс? И все они подстригали утром в понедельник кусты в саду?

– Нет, я помню только одну ученицу мисс Джойс, – Мари с важным видом поправила подсолнух у себя в волосах, – но она тоже начинала с того, что подстригала кусты. Только тогда была пятница и шел дождь.

Я покосился на безоблачное ярко-голубое небо.

– В таком случае, похоже, мне еще повезло.

За моею спиной раздались тяжелые нечеловеческие шаги. Уже зная, что увижу перед собою либо Карла либо Клариссу, я обернулся к голему:

– Тут это, молоко привезли.

– Привет, Карл, – Мари как ни в чем ни бывало помахала рукой гомункулу. Непохоже, что бы она испытывала перед ним хотя бы тень страха. А вот выпусти такого на улицы Нижнего города…

– Доброе утро, юная леди, – кажется, даже с какой-то едва уловимой теплотой в голосе отозвался тот, кивнув ей. – Все верно, мастер Терранова, – повернулся он уже ко мне. – Позвольте, я заберу это.

– Да, конечно. – Я передал ящик ему с рук на руки, напоследок, впрочем, выудив оттуда одну бутылочку кефира. – А это мне, пожалуй. А то я еще даже не завтракал.

Карл молча развернулся на месте и зашагал по направлению к башне.

– Как? – ахнула Мари со своего места, всплеснув руками. – Вы не завтракали? А хотите… – она вытянула из телеги какой-то пестрый узелок, плюхнула его себе на колени и принялась разворачивать.

– Не-не-не! – поспешно запротестовал я, хотя от узелка потянуло вдруг таким сдобным духом свежей, только-только с пылу с жару выпечки, что впору было слюнками захлебнуться. – У меня все равно нет с собою денег, мне нечем вам…

Мари бросила на меня возмущенный взгляд.

– Не говорите глупостей! – она насупила черные бровки. – Вот, – отломив кусок от обнаружившегося в свертке небольшого круглого каравая с румяной корочкой, девочка протянула его мне, – это вам. Запросто так и все тут! Потому что никто не должен оставаться без завтрака.

Мой желудок громко и утробно заурчал, во всеуслышание заявляя, что полностью разделяет это мнение. Я вздохнул и все-таки принял хлеб.

– Спасибо. Я обязательно отплачу вам, юная леди. За мною кафе и хорошая порция мороженого, – пообещал я с благодарной улыбкой.

Девчонка вдруг вспыхнула трогательным румянцем и потупила глазки, торопливо заматывая остатки каравая назад в платок.

– Скажете тоже, – буркнула она едва слышно.

Моя улыбка невольно стала еще шире.

– Нам пора, – спас ситуацию позабытый было всеми Понтус. Он щелкнул вожжами и уже почти задремавшие на солнцепеке мулы, встрепенувшись, потянули телегу дальше по дороге.

– Всего доброго, – я помахал им вслед рукою.

Подсолнух в золотистых волосах девушки качнулся, проплывая мимо меня, и в воздухе повис, медленно планируя в дорожную пыль, как бы случайно оброненный платочек. Я быстро сунул подаренную горбушку хлеба в зубы и освободившейся рукой подхватил его уже почти у самой земли. Ухмыльнулся, не разжимая зубов, и, выпрямившись, внимательнее осмотрел свой трофей. Шелк, кружева и аккуратно вышитые в уголке инициалы М. и К. А еще от него пахло корицей и сдобой. Я покачал головой, улыбаясь своим мыслям.

Третий.

Свист тормозов, хруст гравия под протекторами и лязг жесткой подвески за спиной. Хлопнула автомобильная дверца, послышались приближающиеся шаги. Я сокрушенно вздохнул, сунул платок Мари в карман брюк и, вытащив изо рта хлеб, обернулся на звук, чтобы взглянуть на очередного, уже третьего подряд за последние несколько минут, гостя.

Это и в самом деле оказался автомобиль. «Граулер и Дюк» А2-33, модель пятнадцатого года, темно-синяя с хромированной решеткой радиатора и откидным кожаным верхом.

«Я и не знал, что они поставлялись в Малые Королевства», – машинально отметил про себя я, прожевывая оставшиеся во рту крошки.

От замершего у противоположной обочины дороги авто навстречу мне шел высокий, не смотря на белоснежный цивильный костюм с галстуком, явно военной выправки молодой мужчина с длинными черными волосами, схваченными на затылке в хвост. Он остановился, не дойдя всего пары шагов, и смерил меня внимательным оценивающим взглядом. Особо почему-то остановившись на бутылке кефира и горбушке хлеба у меня в руках.

– Чем могу служить? – первым нарушил я несколько затянувшееся молчание, чувствуя, как рот заполняется слюною, намекая на то, что ему мало каких-то там жалких крошек, и он требует немедленного продолжения банкета. В любой момент к нему грозил вновь присоедениться еще и желудок.

– Старший инспектор криминальной полиции Дорстефолла Михель э'Ри, – сухо отчеканил мой визави, склонив голову в коротком полупоклоне.

– Рихард Терранова, – я ответил ему тем же, – ученик мисс Леонарды Джойс. Я так понимаю, инспектор, вам нужна именно она?

– Совершенно верно, – кивнул тот. – Я могу видеть мисс Джойс?

Я развел руками.

– Мне очень жаль, инспектор, но она вернулась домой буквально пару часов тому назад. Злая, как черт, – скривился я. – Нет, как десять чертей. От нее аж искры сыпались. И не фигурально выражаясь, а на самом деле сыпались. Сказала, что намеревается проспать самое меньшее до обеда, и горе тому, кто посмеет потревожить ее покой хоть минутой раньше. Меня вот и вовсе выгнала на улицу, кусты подстригать, – я развел руками, демонстрируя гостю свой нелепый вид. – Нет, вы, конечно, можете попробовать рискнуть… – протянул я, с сомнением покосившись в сторону молчаливой громады маяка. – Но только, чур, сами, без меня!

Михель тоже с некоторой опаской посмотрел на возвышающуюся над нами башню, и по его лицу я понял, что он не по-наслышке знал характер проживающей там чародейки. Во всяком случае, согласился он со мной неожиданно легко.

– Хорошо, – разочарованно поджал губы инспектор. – Тогда будьте любезны, мистер Терранова, передать мисс Джойс, когда она проснется, что я хотел бы как можно скорее с ней увидеться. Пусть она навестит меня в участке, как только у нее появится свободная минутка. Уверен, ее заинтересует информация, которой я хотел бы с ней поделиться.

– Непременно, инспектор, – пообещал ему я.

– Благодарю. Честь имею, – и он вновь отрывисто поклонился.

– Аналогично.

Михель э'Ри направился назад к своей машине, а я, пятясь, начал отступать к калитке. Мне почему-то начало казаться, что если я немедленно не слиняю подальше из этой части сада, то все новые и новые гости продолжат сыпаться на мою голову как из рога изобилия, и я так никогда и не позавтракаю. А меж тем, я вырос в приличной семье и привык к основательным завтракам!

Калитка с лязгом захлопнулась у меня перед носом как раз в тот момент, когда «Граулер и Дюк», подняв облако пыли, развернулся на дороге перед нашим садом и, взрыкнув мощным тридцатилошадным двигателем, рванул в сторону Дорстефолла. А я подобрал с земли ножницы и, не оглядываясь, поспешил в противоположном направлении.

В конце концов я пристроился в укромном уголке у подножия маяка со стороны моря. Почти на самом краю обрыва, под которым с шумом разбивались о прибрежные скалы океанские волны. Проткнул пальцем запечатанное непромокаемой бумагой горлышко бутылки, сделал хороший такой глоток кефира и откусил добрый шмат еще хранящего тепло печи черного хлеба. Блаженно заурчал и, жмурясь как кот на солнцепеке, откинулся назад спиною на торчащий из земли обломанный каменный блок, оставшийся тут, наверное, еще со времен строительства башни. Лениво скользя взглядом по лишенному даже намека на облака бездонному голубому небу, уходящей к туманному горизонту свинцовой глади моря и одинокому паруснику, величественно рассекающему волны прямо по траверзу мыса, который и венчает Башня Чайки.

– Ха-арра-ашо, – промурлыкал я, снова поднося к губам бутылку кефира.

Развернутый к маяку борт корабля окрасился сизыми дымками. Я замер, так и не успев сделать глоток, и струйка кефира побежала по подбородку и дальше по шее, за воротник рубахи. По ушам ударил оглушительный грохот. В каких-то ярдах десяти надо мною и чуть впереди, немного не достав до края обрыва, разорвались черные клубы дыма пополам с вспышками пламени. Меня со всей дури приложило спиной и затылком об известняковую плиту, а бутылка кефира в руке просто лопнула, разлетевшись вдребезги и залив белым фартук садовника. Воздух между мною и черными смрадными облаками, рваными клочьями повисшими в небе на месте разрыва снарядов, задрожал и заискрился, обрисовывая контуры невидимой прежде магической стены. Именно она, похоже, и приняла на себя удар бортового залпа атаковавшего нас фрегата, не позволив снарядам достичь стен башни.

– Какого черта? – простонал я, с трудом отдирая себя от булыжника, по которому меня только-что размазало. – Что здесь проис...

Мой взгляд замер, наткнувшись на две стальные скругленные в передней части чушк,

застывшие прямо у меня над головой на высоте примерно третьего-четвертого этажей. Не взорвавшись, как прочие, они будто бы завязли в мерцающем защитном барьере, но не остановились вовсе, а продолжали пусть медленно, но верно двигаться вперед, постепенно продавливая магическую стену и смещая ее все ближе и ближе к маяку.

«Если бы тут был мой брат», – немного отрешенно подумал вдруг я, – «он сейчас, наверное, смог бы назвать даже точный калибр снарядов и модель артиллерийской системы, из которой они выпущены».

Фрегат, тем временем, под слышимые даже с такого расстояния свисток боцмана и лающие команды офицеров завалился на бок, совершая разворот на месте и, вероятно, намереваясь встать к нам другим своим бортом, чтобы еще раз проверить на прочность защиту башни весом полного залпа. А пока он оказался повернут к нам кормой, и украшающую ее изысканную резьбу по дереву заволокло новыми клубами дыма – промежуточное свое слово сказали кормовые ретирадные орудия.

– Да идите вы к… ! – выдохнул я, с низкого старта срываясь с места в сторону маяка.

Магический барьер – это, конечно, прекрасно, но он, как расскажет вам любой школяр Академии святой Стефании старше шестого класса, защищает только от физических объектов, в данном случае – от самих снарядов и их осколков, образующихся при взрыве. Но не от взрывной волны! И разорвись хотя бы один из выпущенных неведомым рейдером снарядов не так высоко и чуть ближе ко мне, – а барьер, увы, уже сдвинулся на добрых два фута в сторону башни, – и моим барабанным перепонкам придет конец. Это в лучшем случае.

Очередные взрывы сотрясли воздух где-то сзади и вверху. Ударная волна толкнула меня в спину, и я, едва не пробороздив носом землю, нырнул наконец под защиту прижавшегося к подножию маяка угольного склада. Остановился на секунду, перевести дух, и в два прыжка очутился на крыльце башни, рванул на себя дверь.

http://tl.rulate.ru/book/11029/212768